

Неокантианский дискурс философии истории: методологические аспекты

В докладе дается анализ методологических аспектов неокантианского дискурса философии истории, которые получили концептуальную разработку в трудах представителей Баденской школы, в работах М. Вебера, а также – в творчестве ряда русских ученых в конце XIX – начале XX вв. Неокантианство рассматривается как влиятельное направление в исторической эпистемологии, которое стало главным критиком позитивизма и метафизики в философии и методологии истории. Следуя за И. Кантом, неокантианцы соединили онтологию истории не только с исторической эпистемологией, но и с аксиологией, т.е. с учением о ценностях. Доклад раскрывает основные положения неокантианской философии и методологии истории, разработанные В. Виндельбантом, Г. Риккертом, М. Вебером, А.С. Лаппо-Данилевским, В.М. Хвостовым и Д.М. Петрушевским. Главная заслуга неокантианцев Баденской школы – выявления специфики методов исторической эпистемологии, которая заключается в применении идеографического или индивидуализирующего подхода. Данный подход предполагает приоритетное изучение ценностей, составляющих основу человеческой культуры. «Отношение к ценности» для неокантианцев является важнейшим критерием отличия «наук о духе» от «наук о природе». Ценностный подход выступает необходимой методологической процедурой гуманитарного познания. М. Вебер совершил попытку соединения позитивистского и ценностного подхода в методологии философии истории, ввел в научный оборот понятие «идеальный тип». Одной из важных заслуг русских неокантианцев является соединение номотетических и идиографических методов в исследовательской практике. А.С. Лаппо-Данилевский дал новое понимание структуры методологии истории, раскрыл разнообразные способы интерпретации исторических источников, показал роль психологического фактора в эволюции истории. В творчестве В.М. Хвостова с позиции неокантианства был дан заслуживающий внимания критический анализ понятия прогресса. Д.М. Петрушевский показал, что историческая эпистемология имеет собственный логический стиль, который требует дополнительного анализа.

Ключевые слова: неокантианство, Баденская школа, методология истории М. Вебера, русские неокантианцы, философия истории, методология истории, историческая эпистемология, идиографический метод, аксиологический подход

Доклад подготовлен при поддержке гранта РФНФ: № 14-13-66501

Русакова Ольга Фредовна, Институт философии и права УрО РАН, rusakova_mail@mail.ru

UDC 1/14

Rusakova O.F.

Nneo-kantian philosophy of history: methodological aspects

The report provides an analysis of methodological aspects of neo-Kantian's discourse of philosophy of history, which was conceptual developed in the works of the representatives of the Baden school, M. Weber's works and also – in the works of Russian scientists in the late XIX - early XX centuries. Neokantianism is regarded as an influential trend in historical epistemology, which has become the main critic of positivism and metaphysics in philosophy and methodology of history. Following Kant, Neokantians connected ontology not only with the history of historical epistemology, but also with axiology, i.e. with the teaching of values.

The report describes the main provisions of neo-Kantian philosophy and methodology of history, developed by W.Vindelband, H. Rickert, M. Weber, A.S. Lappo-Danilevsky, V.M. Khvostov and D.M. Petrushevski. The main merit of the Baden neo-Kantian school – identifying the specific methods of historical epistemology, which is the use of ideographic or individualizing approach. This approach involves the study of priority values that form the basis of human culture. For the neo-Kantian «the attitude to the value» is an important criterion of distinction «the human sciences» from the «sciences of nature». Value approach is a necessary methodological procedure of human cognition. M.Weber has made an attempt to connect positivist and value approaches to the methodology of philosophy of history, has entered into a scientific turn the concept of «ideal type». One of the main merits of Russian neo-Kantian – combination nomothetic and ideographic methods in research practice. Lappo-Danilevsky gave a new understanding of the structure of the methodology of history, revealed a variety of ways to interpret historical sources to show the role of psychological factors in the evolution of history. In the work of Khvostov from the perspective of neo-Kantianism was given a noteworthy critique of the concept of progress. Petrushevsky showed that historical epistemology has its own logical style that requires further analysis.

Keywords: neo-Baden school, M.Weber`methodology of history, Russian Neo-philosophy of history, methodology of history, historical epistemology, ideographic method axiological approach

Rusakova Olga Fredovna, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, rusakova_mail@mail.ru

At support of the RFH, the scientific project №14-13-66501

CDU 1/14

Rusakova O.F.

Modelo neokantiano de filosofía y metodología de la historia

La autora analiza el modelo neokantiano de la filosofía y metodología de la historia que fue elaborado conceptualmente en la obra de los representantes de la escuela de Baden y en los trabajos de algunos científicos rusos a finales del siglo XIX y a inicios del siglo XX. El neokantianismo se considera como una dirección importante en la epistemología histórica que se convirtió en la crítica principal del positivismo en la metafísica, en la filosofía y en la metodología de la historia. Siguiendo a Kant, los neokantianos unieron la ontología de la historia con epistemología histórica. El mérito principal de los neokantianos de la escuela de Baden es el descubrimiento de la específica del enfoque ideográfico o individual. Esta actitud pone prioridad en el estudio de los valores que constituyen la base de la cultura humana. La actitud ante los valores es un criterio importante de la distinción entre las "ciencias del espíritu" y las ciencias de las Naturaleza. El enfoque valorativo sirve como un procedimiento metodológico necesario del conocimiento humanitario. En el artículo se investigan las tesis principales de la filosofía neokantiana y de la metodología de la historia, elaboradas por W. Windelband, H. Rickert, A. C. Lappo-Danilevsky, V. V. Jvostov y D. M. Petrushevsky.

Palabras-clave: escuela de Baden, neokantianos rusos, filosofía de la historia, metodología de la historia, epistemología histórica, enfoque axiológico.

La ponencia fue publicada con
el apoyo del RHNf proect № 14-
13-66501

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Неокантианская философия истории в начале XX века совершила настоящий методологический переворот в области исторической эпистемологии: разработка аксиологического метода исторического познания, введение в оборот понятия «идеальный тип», соединение номотетических и идиографических методов в исследовательской практике, что в значительной степени обогатило академический дискурс мировой философии истории.

В Европе методологические аспекты дискурса неокантианской философии истории получили обоснование и концептуальную обработку, прежде всего, в творчестве представителей Баденской философской школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), а также – в работах М. Вебера. В России неокантианский подход к изучению философии истории был методологически фундаментально разработан академиком Санкт-Петербургской АН А.С. Лаппо-Данилевским, профессором Московского университета В.М. Хвостовым и академиком АН СССР Д.М. Петрушевским.

Неокантианство как влиятельное методологическое направление в исторической эпистемологии в начале прошлого столетия выступило в качестве главного критика позитивистского подхода к изучению истории, а также – метафизического (онтологического) подхода, сторонники которого игнорировали гносеологическую и аксиологическую проблематику при осмыслении предмета философии истории.

Сущность позитивистской методологии истории можно определить как сугубо сциентистскую ориентацию на превращение истории в точную науку путем внедрения в ее исследовательский арсенал методов и процедур, включенных в научный оборот другими дисциплинами, получившими в авторитетных кругах статус науки. При этом, как правило, отрицается методологическая специфика исторического творчества.

Другая характерная черта позитивистской методологии истории – умаление значения философии истории, под которой подразумевается спекулятивное, умозрительное, далекое от науки знание [14, с. 67].

К началу XX века отчетливо проявился кризис метафизического подхода, согласно которому теория истории сводилась к теории объективного исторического процесса. Интерес исследователей направлялся только на объект, без учета роли субъекта в историческом познании. Методология истории рассматривалась как часть онтологии. Эти черты были свойственны целому ряду направлений тогдашней философии истории: марксизму, неогегельянству, неопозитивизму.

Как известно, значительный вклад в преодолении онтологического подхода в свое время предпринял И. Кант, который совершил попытку перевода онтологии на путь гносеологии или «трансцендентной методологии». Кант методологически связал онтологию не только с гносеологией, но и с аксиологи-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ей. Кантовская критика онтологизма и его методология нашла многочисленных последователей, усилиями которых сложилось неокантианское направление в философии и методологии истории [5, с. 218–219].

Представителей неокантианства постоянно интересовали вопросы классификации наук, специфики исторического познания (историческая эпистемология) и проблемы своеобразия методов истории. Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) выделил два типа научного познания: номотетическое и идеографическое: «В первом случае мышление стремится перейти от установления частного к пониманию общей связи, во втором – оно останавливается на тщательном выяснении частного» [3, с. 324]. В соответствии с данным делением науки разделились по предмету: «Одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было» [3, с. 320]. Для первого типа наук господствующим методом познания является номотетический или генерализующий, для второго – идеографический или индивидуализирующий.

Историю Виндельбанд относит ко второму типу, поскольку исторические события уникальны, неповторимы, и их сведение к общим законам огрубляет представления об исторических процессах и явлениях.

Специфичен не только метод, но и объект познания исторических наук. Таким объектом, по Виндельбанду, выступают

ценности культуры. Виндельбанд в связи с этим предлагал даже заменить термин "история" лучшим и более точным термином – «наука о культуре».

Ученик Виндельбанда Генрих Риккерт (1863–1936) считал, что необходимо отличать методологию истории не только от методологии естественных наук, но и от социологического метода познания. Если для социологии главной задачей является отыскание законов общественной жизни, то цель истории «всегда является изображение единичного, более и менее обширного хода развития во всей его единственности и индивидуальности» [13, с.219]. Историк, который занимается поиском законов, по мнению Риккерта, перестает быть историком, а само понятие «исторический закон» есть ничто иное как «*Contradictio in adjecto*» или нарастающие противоречия [13, с. 221].

В неокантианской интерпретации методология истории выступает уже не в роли «подмастерья» у передовых естественнонаучных дисциплин и социологии, а самостоятельным «мастером», обладающим собственным научным инструментарием.

Предмет исторической науки Риккерт трактует как функцию индивидуализирующего исторического метода, применение которого высвечивает собственные объекты исторического исследования. Такими объектами выступают всеобщие человеческие ценности, «которые по отношению к общественным или социальным

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

интересам обладают значением). «Главным объектом исторического исследования является ... человек, как социальное существо, ... поскольку он участвует в реализации социальных ценностей» [13, с.215]. Процесс реализации всеобщих социальных ценностей в течение исторического развития обозначается термином «культура». В итоге «главным предметом истории является изображение частей и целого культурной жизни человека». При этом под культурой Риккерт понимает не какую-то особую область общественной жизни, а систему всеобщих человеческих ценностей, таких, например, как государство, право, религия, экономическая организация, искусство и т.д.

Генерализующий метод, по Риккерту, не в состоянии дать исчерпывающего изображения культурных ценностей. На это способен только индивидуализирующий исторический метод. Вот почему история как носительница данного метода отвечает потребностям культурного человека. «Культурных человек (Kultur Mensch), – подчеркивает Риккерт, – всегда будет относить действительность к всеобщим культурным ценностям, так что необходимо должен возникнуть вопрос, каким образом реализовалась культура в ее единичном развитии, и ответ на этот вопрос может дать одна лишь индивидуализирующая история, а никакая не генерализующая наука» [13, с. 217]. «Отношение к ценности» для Риккерта, таким образом, является важнейшим критерием отличия «наук о духе» от «наук о природе», а также

необходимой методологической процедурой гуманитарного познания.

Философия истории, по Риккерту, призвана установить принципы исторического универсума – всеобщей истории как предельной культурной целостности. Эти принципы по своему характеру не являются законами, поскольку открываются путем не генерализующего, а индивидуализирующего метода. В этой связи проблема исторического закона считается Риккертом очередной натуралистической догмой, от которой должна отказаться научная философия истории: «Для философии истории понятие закона как принципа исторического универсума является ... логически столь же противоречивым, как и понятие исторического закона в качестве цели эмпирической исторической науки. Конечно, философия истории занимается «общим», но лишь постольку, поскольку она имеет дело с историческим универсумом, именно поэтому также и ее объектом всегда является единичный и индивидуальный рад развития, членами которого состоят такие же индивидуумы» [13, с. 227].

Любой, так называемый, исторический закон, по Риккерту, на самом деле является «формулой ценности». Так понятие «исторический процесс» есть не что иное как возрастание ценности, связанное с возникновением нового. «Поэтому, если философия истории как наука о принципах, вообще имеет *raison d'être*, то она должна быть учением о ценностях,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сообщающих единство историческому универсуму и вместе с тем расчленяющих его» [13, с. 235].

Другая онтологическая проблема философии истории – проблема смысла исторического бытия, согласно Риккерт, также неразрывно связана с культурно-ценностной установкой исторической науки: «Вся культурная жизнь есть историческая жизнь и культурные люди, к которым принадлежат также и натуралисты, не могут, будучи культурными людьми, не стремиться к тому, чтобы дать себе отчет относительно смысла культуры и тем самым относительно смысла истории» [13, с. 237].

Ценностные установки, лежащие в основе той или иной исторической теории, приводят ее авторов к определенному учению о смысле истории. В качестве примера Риккерт рассматривает марксистскую материалистическую концепцию истории. Ее центральной ценностной установкой является победа пролетариата как класса над буржуазией. В соответствии с этим вся история понимается марксистами как история классовой борьбы, что и сообщает ей ценность и единство. «Таким путем материалистическое понимание истории находит общие принципы исторической жизни, но точно также и всю историю со всеми подробностями вполне определяет абсолютная ценность, ожидаемая победа пролетариата. В настоящей борьбе самым главным моментом, вследствие его решающего значения, представляется борьба за экономические бла-

га. Ввиду этого в истории повсюду самая главная роль отводится экономической жизни, а поэтому также разделение истории на эпохи должно соответствовать различным формам хозяйства. Отсюда и возникает «материалистическое», то есть экономическое понимание истории» [13, с. 237–238].

Говоря в целом о неокантианской концепции методологии истории, необходимо признать ее большой вклад в обоснование специфического предмета и метода исторической науки, а также в разработку особой дисциплины – методологии истории, – занимающейся вопросами специфики исторического познания и исторического типа мышления, и составляющей важную часть современной философии истории. Несомненной заслугой неокантианцев было развитие теории ценностей и разработка аксиологического подхода к изучению исторических явлений.

Вместе с тем, неокантианская трактовка методологии истории несла на себе печать определенной однобокости, поскольку отличалась гипертрофированием идиографического метода; это, в свою очередь, приводило к известному научному сепаратизму исторических исследований, жесткому размежеванию истории с другими научными дисциплинами, в том числе – с социологией.

Большое влияние на формирование дискурса современной философии истории оказали работы выдающегося немецкого мыслителя Макса Вебера (1864–1920).

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Вебер начал свою научную карьеру как неокантианец, однако, увлекшись социологией, разработал собственную методологию, в которой стремился соединить ценные элементы методологии неокантианства и социологического позитивизма. Не случайно некоторые исследователи называют веберовскую методологию позитивистско-неокантианской [16, с. 444–445].

Центральной категорией веберовской методологии истории является понятие идеального типа. Идеально-типическое, по Веберу, есть синтез общего и индивидуального. Идеальными типами называются общие понятия, приложимые не только к повторяющимся явлениям истории, но и к неповторимым историческим индивидуумам. Познание общего, по Веберу, открывает путь к познанию индивидуального и наоборот. Вот что по этому поводу писал исследователь творчества Вебера Ф.И. Неусыхин: «Рукою Вебера стерта резкая грань, проведенная Риккертом между индивидуальным и общим ...Общее дано нам в истории как индивидуальное, ибо оно никогда не выступает изолированно, а всегда входит в состав какого-нибудь индивидуального исторического целого» [11, с. 643–644].

Идеальный тип, по Веберу, является теоретическим конструктом, который выступает определенным масштабом для познания исторической реальности, средством для изображения индивидуального. «По своему значению, – писал Вебер об идеальном типе, – это

чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того, чтобы сделать отчетливым определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность, научно-дисциплинарная фантазия рассматривает в своем суждении как адекватные ... Идеальный тип в данной его функции – это прежде всего попытка охватить исторические индивидуумы или их определенные компоненты генетическими понятиями» [2, с. 584]. Даже если историк отказывается от попыток формулировать идеальный тип, считая его абстрактной конструкцией, неприемлемой для исторического исследования, он все равно, считает М. Вебер, неосознанно пользуется такого рода конструкциями.

Вебер, говоря о конструктивистском, интерпретационном характере идеального типа, предупреждал об опасности отождествления его с реальной исторической действительностью, а также – об искушении «подогнать» под его конструкцию определенные явления. Наглядным примером такого «насилия над действительностью» Вебер считал отношение марксистов к понятиям и законам развития истории, являющимися, по сути, идеально-типическими конструктами [2, с. 593–602].

В веберовской трактовке история и социология принадле-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

жат к наукам о культуре и в этом плане обе дисциплины применяют метод идейно-типического конструирования. Однако между историческими (генетическими) и социологическими идеальными типами, по Веберу, имеются определенные различия: социология, образуя типовые понятия, ищет общие правила (законы) событий, историческая же наука стремится, прежде всего, к анализу индивидуальных, важных в культурном отношении действий, образований личностей. Примером генетических идеальных типов у Вебера выступают такие понятия как «средневековый город», «культура капитализма», «протестантская этика», «кальвинизм» и др.

Генетический идеальный тип применяется исследователем локально в контексте конкретного времени и пространства. Его анализ связан с исследованием различных по своей природе факторов, сочетание которых способствовало появлению на исторической арене нового феномена. Методологию многофакторного анализа Вебер противопоставляет различным видам мировоззренческого монизма, и прежде всего – монизму марксистской теории истории, которая, по его мнению, гипертрофирует значение экономического фактора [2, с. 561]. Для Вебера экономический фактор выступает только одним из возможных факторов, объясняющих тот или иной исторический феномен, и не важно, принадлежит ли он к сфере экономической жизни, искусства или религии.

С позиции многофакторного подхода Вебер выстраивает собственную теоретическую модель капитализма, противопоставляемую им марксистскому монизму. В отличие от Маркса Вебер не считал капитализм технологически необходимым этапом развития человечества. При изучении генезиса капитализма он исходил из постулата: любое явление в истории вначале выступает не как реальность, а как мотивация. Только на основе раскрытия мотивации можно создать идеальный тип любого социального явления, построить его мысленную модель.

Идеальная мыслительная модель капитализма, созданная Вебером, строится на базе ценностного подхода, связанного с синтезирующим понятием «интерес эпохи». В роли такого понятия выступает категория «дух капитализма», которая предполагает раскрытие определенного менталитета, мотиваций, интересов, анализа типовых социальных институтов, права, этических и религиозных норм.

Теоретическое моделирование истории европейского капитализма осуществляется Вебером на основе разработки теории адекватной причинности. Суть данной теории: происхождение исторического события обусловлено множеством факторов, один из которых является решающим для его генезиса. Так, анализируя происхождение европейского капитализма, Вебер установил, решающим системообразующим фактором, воплотившим дух капитализма, явился протестан-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тизм с его новой хозяйственной этикой [1, с.44–271]. Он отнюдь не отрицал, что протестантизм не был ни единственной, ни даже достаточной причиной возникновения капитализма. Протестантизм – это не столько причина, сколько целостно образующий фактор формирования особой культуры капитализма.

Этот же метод выявления решающего фактора был применен Вебером при анализе происхождения Первой Мировой войны. При анализе истоков данной войны Вебер предлагает применить прием моделирующего вычитания, то есть мысленного построения того, что могло бы произойти, если бы отсутствовал тот или иной фактор. Например, следует предположить, что бы произошло, если бы Пуанкаре не был в 1914 году президентом Франции, если бы царь Николай II не подписал указ о мобилизации за несколько часов до того, как то же самое сделал австрийский император, если бы Сербия не приняла австрийский ультиматум и т.д. Далее следует сопоставить нереальный, мысленный ход событий, построенный на предположении, что один из предшествующих элементов изменен, с реальным их развитием для того, чтобы сделать вывод, что мысленно измененный элемент был одной из причин проявления характерного признака в изучаемом феномене.

Данный прием стал своего рода методологическим вызовом Вебера тем историкам, которые считают, что история не знает сослагательного наклонения и что не возможно знать то-

го, что не произошло. Чтобы труд действительно был аналитическим, необходимо представить, каким было бы событие без определенного акта или элемента, с ним связанного.

Кроме метода реконструкции деталей ирреального (виртуального) течения событий Вебер предлагает метод моделирования иного конечного исторического результата. К примеру, если бы мы смогли счесть правдоподобным завоевание Греции Персией, то мы бы поняли, что победа персов привела бы к удушению пути развития рациональной мысли, которая стала важным вкладом Греции в развитие всего человечества. В этой связи битву при Марафоне следует считать одной из причин, необходимых для развития мировой культуры. Такого рода методология показывает, что историческая причинность носит не необходимый, а вероятностный характер. Степень вероятности зависит от соотношения способствующих и не способствующих определенному событию обстоятельств.

Вероятностный характер, согласно Веберу, имеют и причинные связи, которыми занимается социология. Однако, в отличие от историка, имеющего дело с локальными и временными факторами, определяющими характер идеально-типической модели исторического явления или процесса, социолог оперирует так называемыми «чистыми» идеальными типами, образованными путем абстрагирования от пространственно-временных параметров. Наглядным примером моделирования

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

такого рода идеального типа может служить веберовская типология легитимности власти (рациональная, традиционная, харизматическая).

Таким образом, веберовская концепция идеального типа сужала поставленную неокантианцами Баденской школы методологическую пропасть между историей и социологией. Если по сравнению с неокантианским принципом индивидуализации Вебер усиливает момент генерализации, то, напротив, в социологии он смягчает неокантианский номотетический подход, вводя момент «индивидуализации».

В России неокантианский дискурс философии истории получил наиболее последовательную и глубокую разработку в творчестве выдающегося ученого Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), автора трехтомной «Методологии истории».

Основное ядро всей методологии истории, по мнению Лаппо-Данилевского, составляет теория исторического знания, поскольку именно она занимается установлением исходных принципов исторического познания, суть которых заключается в рассмотрении следующих вопросов:

с какой теоретико-познавательной точки зрения история изучает данные нашего опыта?

какое значение историк должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях?

каков критерий исторической оценки, на основании ко-

торого историк производит выбор материала?

в каком смысле историк пользуется понятиями «эволюция», «прогресс», «регресс» и т.п. [7, с. 15]?

Методологии истории, согласно Лаппо-Данилевскому, в качестве составного компонента включает также методологию источниковедения. «Методология источниковедения, – поясняет он, – устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя в праве утверждать, что интересующий его факт действительно существовал (или существует)» [7, с. 16].

Наконец, важным компонентом методологии истории, по мнению ученого, является методология исторического построения, которая «устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк объясняет, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует)» [7, с. 16].

Лаппо-Данилевский считал, что в отличие от философии истории, методология истории не ставит перед собой цели изучения объективного исторического бытия (исторической онтологии). Ее область очерчивается главным образом проблемами получения исторического знания, т.е. исторической эпистемологией. Вот что он писал об особенностях методологии истории: «...Она более определена по своему объему, чем философия истории, так как имеет в виду одно только учение о принципах и методах

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

исторической науки и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества или его «исторических судеб» [7, с.16].

Лаппо-Данилевский, разделяя неокантианский подход к пониманию философии и методологии истории, дополнил его новыми идеями. В современных исследованиях выделяются три важных момента данной новизны: «Во-первых, не отказываясь от характерного для Виндельбанда и Риккерта дуалистического противопоставления естественно-научного и исторического методов, он относил к наукам идеографическим не только историю общества, но и историю природы, а к наукам номотетическим наряду с естественными науками – психологию и социологию ... Во-вторых, он первый провел различие по предмету и методу между социологией и историей и, таким образом, обосновал специфику исторического метода, показав его отличие от естественнонаучного и социологического методов. В-третьих, он и в самой истории различал номотетическую и идеографическую точки зрения и формулировал задачи номотетического и идеографического построения исторического знания» [5, с. 221–222].

По мнению Лаппо-Данилевского, все метафизические построения теории исторического процесса стремятся объединить данные нашего опыта, при помощи общих понятий, например, таких, как «эволюция», «эволюционный ряд», «цивилизация», «исторические

циклы», «культурно-исторический тип», «закон». Однако, ставя перед собой задачу выявления общего, закономерного, повторяющегося, типического в истории, номотетически ориентированные исследователи, не учитывают главный интерес, лежащий в основе исторической науки – интерес к индивидуальному, конкретному, неповторимому. Дело в том, что один и тот же объект можно рассматривать с номотетической и идеографической точек зрения. Человек ценит не только обобщения, но и конкретное. Научное удовлетворение нашего интереса к конкретному дается особым родом науками – историческими [7, с.225]. Это не значит, что историка должны интересовать исключительно индивидуальные особенности объектов. В своих построениях, отмечает Лаппо-Данилевский, историк широко пользуется обобщениями, к примеру, законами душевной жизни, законами ритма, законами психических мотиваций, психологии толпы. Историк может пользоваться также понятием «тип». Однако пользуется он всеми формами обобщения иначе, чем представители других наук. Для естествоиспытателей, например, обобщения представляют главную научную цель, в то время как для историков они – средства [7, с. 226]. Так, пользуясь понятием о типе французского солдата революционной эпохи, историк обратит внимание, прежде всего, на те или иные отклонения от сконструированной модели, отметив, к примеру, индивидуальные особенности Гоша или Напо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

леона. Историко-идеографическая точка зрения, утверждает Лаппо-Данилевский, требует объяснений и анализа различных отклонений от типичного [7, с. 229].

Идиографическая точка зрения на теорию исторического знания, согласно Лаппо-Данилевскому, не исключает рассмотрения «коллективных» объектов. Всякий раз, когда историк имеет дело с «коллективным существом» (социальная группа, народ, государство и т.д.) он не выходит за рамки метода, поскольку подходит к нему как к целостности, имеющей свое индивидуальное лицо, характеризующее совокупностью определенных признаков.

Лаппо-Данилевский подчеркивает, что образование индивидуальных понятий в исторической науке связано со следующими необходимыми процедурами:

1. Отбор фактического материала в соответствии с представлением об его историческом значении и ценности;

2. Построение целостного образа исследуемого объекта, основанного на понимании и переживании его ценности.

Указанные процедуры предполагают применение аксиологического подхода к объекту исторического исследования. Путем аксиологического анализа определяется, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению [7, с. 244].

Историк, занимающийся конкретным исследованием, не производит специального ана-

лиза того, что следует считать ценным, а что нет. Отнесение к ценности в его сознании происходит как бы автоматически, само собой. Если, например, историк признает как само собой разумеющуюся ценность государства, то и поступки людей или отдельные события он будет соотносить с данной ценностью, имея при этом в виду, насколько полезны или вредны они для государства. Точно так же, взяв за основу общезначимое представление о культуре как ценности, историк станет оценивать и отбирать для своего исследования только те объекты, которые соответствуют его понятию о культурных ценностях.

В рамках методологии истории Лаппо-Данилевский выделяет ее особую отрасль – методологию источниковедения, которую характеризует как «специальную методологию», отнюдь, не тождественную со вспомогательными историческими дисциплинами. Методолого-источниковедческая концепция Лаппо-Данилевского в своей основе содержала идею об истории как «науке о духе». В соответствии с данной установкой исторический процесс рассматривается в свете эволюции психической жизни людей, а исторический источник понимается как «реализованный продукт человеческой психики» [8, с. 374]. Согласно ученому, исторический источник, во-первых, призван отразить духовную жизнь прошлого; во-вторых, сам источник является продуктом духовной деятельности; в-третьих, на складывание содержания источника в первую оче-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

редь влияет духовная атмосфера его времени; в-четвертых, методы анализа источников должны базироваться в основном на психологическом подходе к ним.

В широком смысле исторический источник трактовался Лаппо-Данилевским как продукт человеческого творчества, генетически связанный с прошлой человеческой деятельностью. Сама эта связь истолковывалась им как основа для признания возможности отражения в источнике объективно существовавших социальных процессов. Деятельность, породившая источник, рассматривалась Лаппо-Данилевским как связующая нить между историком как субъектом познания и исторической реальностью как объектом исторического изучения. В связи с этим сам источник трактовался как «непосредственный результат той самой деятельности человека, которую историк должен принимать во внимание при построении исторической действительности, включающей и означенный результат» [8, с. 386].

Согласно Лаппо-Данилевскому, в любом источнике запечатлена психическая деятельность, а если это письменный, знаковый источник, – то и мысленные впечатления автора источника о современной ему действительности [8, с. 387]. Отсюда – главная задача историка – обнаружение духовно-психического содержания источника, представляющего собой объективированную форму человеческого творчества.

В зависимости от степени близости познающего субъекта

(историка) к запечатленному в источнике факту (информации) Лаппо-Данилевский давал классификацию источников, где все источники подразделялись на два основных вида: остатки и предания.

К остаткам Лаппо-Данилевский относил такие источники, которые дают историю возможность непосредственно считывать информацию о запечатленных в них фактах прошлого. Например, к источникам-остаткам он относил материальные памятники культуры в их натуральном виде. Источники-предания – это уже иной тип источников, более опосредованный, поскольку заложенная в них информация уже прошла определенную интерпретационную обработку либо в виде изобразительных образов, либо в виде словесных описаний. К примеру, такой источник, как склеп, является остатком, а его изображение (картина склепа) и его описание будут относиться к опосредованным источникам-преданиям.

К разновидностям источников-остатков Лаппо-Данилевский относил также определенную часть письменных источников, например, юридические акты, документы международных договоров, международные трактаты и т.д. Такого рода источники, по его мнению, следует отличать от преданий, т.е. рассказов о совершенных юридических сделках, заключенных договорах и т.д. На основании источника-остатка историк «получает возможность по нему непосредственно заключать о том, что и факт, остаток

которого доступен его исследованию, действительно существовал». Напротив, когда историк имеет дело не с остатком факта, а с его отображением в предании, он не обладает возможностью по одному непосредственному восприятию источника заключить о существовании факта. Поэтому историк должен прежде подвергнуть данный источник специальному анализу на достоверность, так как не исключено, что его содержание может быть вымыслом [8, с. 386].

Основная разница между источником-преданием и источником остатком заключается в том, что в последнем случае «исторический факт как бы сам о себе отчасти свидетельствует перед историком» [8, с. 387], т.е. выступает одновременно и «подсудимым» и «свидетелем». В предании же «подсудимый» (факт) и «свидетель» (изображение, рассказ) разделены. При этом показание «свидетеля» (художника или рассказчика) не обязательно совпадает с показаниями «подсудимого» (изображаемого или обозначаемого).

В основе приведенной классификации источников, по словам самого Лаппо-Данилевского, лежит теоретико-познавательная точка зрения, которая «допускает возможность рассматривать хотя бы один и тот же объективно данный конкретный источник или в качестве остатка культуры, или в качестве исторического предания» [8, с. 385–386]. Все дело в том, с каких позиций данный источник изучается, а не в различие самих источников. Если

историк изучает по данному источнику ту деятельность, продуктом которой этот источник является, то источник рассматривается как остаток, если же историк изучает по тому же источнику другую деятельность, продуктом которой данный источник не является, то по отношению к ней он будет преданием.

Важной методологической проблемой источниковедения Лаппо-Данилевский считал вопрос о способах интерпретации источников. Он выделял следующие методы интерпретации: психологический, технический, типизирующий, индивидуализирующий. Главная роль отводилась психологическому методу. Сущность данного метода Лаппо-Данилевский определял следующим образом: «Психологическое истолкование источников основано... на принципе признания чужой одушевленности: оно исходит из понятия о чужом сознании, обнаруживается в данном продукте...» [8, с. 114].

Основная трудность психологической интерпретации состоит в том, чтобы переживаемое историком представление совпало с чужим, запечатленным в источнике представлением о наблюдаемом материальном образе. Достижение такого совпадения затруднено, во-первых, различиями между психикой историка и психикой автора источника, во-вторых, часто встречающейся неопределенностью значения какого-либо знака, отражающего состояние психики автора источника. Так, например, восклицание «Ах!»

может иметь различные смыслы: горе, радость, удивления, усталость и т.д. [8, с. 422].

Говоря о типизирующем методе интерпретации источников, Лаппо-Данилевский указывал на его собственно исторический характер, поскольку данный метод предполагает понимание источника в контексте той эпохи, в которой он возник, под влиянием которой сложилось его содержание.

Лаппо-Данилевский выделял два вида типизирующей интерпретации: систематическую и эволюционную. Когда речь идет о культуре как определенной системе, то применяется систематический метод, когда же имеется в виду стадия эволюции, то применяется эволюционный подход.

Индивидуализирующий метод интерпретации, по Лаппо-Данилевскому, состоит в том, чтобы раскрыть индивидуальные особенности деятельности, породившей источник. «Вообще, – писал он, – историк исходит из индивидуальных особенностей психики автора для окончательной интерпретации соответствующих особенностей его произведения, взятого в его ценности» [8, с. 495]. При помощи индивидуализирующей интерпретации историк проникает в тайники личного творчества автора, что позволяет лучше понять содержание самого источника.

Понимание индивидуальности автора можно достигнуть двумя путями: аналитическим и синтетическим. «При анализе личности автора историк может исходить или из биографиче-

ских данных о нем, или сосредоточивать свое внимание на его произведение, восходя от него к личности автора» [9, с. 498]. В первом случае историк приходит к пониманию авторского замысла через анализ его жизненного пути, во втором – через целостное восприятие произведенного автором источника. При этом сам источник можно рассматривать как факт биографии его автора. Так, например, мемуары Наполеона связаны с его пребыванием на острове Св. Елены. «Мысли» Бисмарка относятся к периоду расцвета его государственной карьеры, а «Воспоминания» – к периоду жизненного заката [8, с. 501–502].

Наконец, технический метод интерпретации, согласно Лаппо-Данилевскому, сводится к пониманию средств, которыми пользовался автор для представления своих мыслей и которые запечатлялись в форме источника. Иначе говоря, техническая интерпретация есть восхождение от формы к содержанию источника, его замысла и предназначения. Так, например, по почерку в известном смысле можно судить о характере автора.

При изложении способов технической интерпретации исторических источников Лаппо-Данилевский указал на познавательные возможности искусственного воспроизведения или моделирования формальных и содержательных сторон источника. Лаппо-Данилевский приводит пример, когда ученый-металлург Гоулэнд построил

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

первобытную плавильную печь, с помощью которой стремился понять, как в глубокой древности изготавливались бронзовые вещи. Тот же метод моделирования можно применить и для понимания письменных источников: «Надлежащее понимание свойств чужой речи и письма, в случае нужды, легче усвоить путем их искусственного воспроизведения» [6, с. 453].

Все методы интерпретации источников, применяемые в их единстве, рассматривались Лаппо-Данилевским как способы адекватного осознания прошлого. Подводя итог своего методологического анализа исторического знания и способов интерпретации источников, Лаппо-Данилевский отмечал, что историческое понятие имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет «соучаствовать в культурной жизни человечества» [8, с. 765].

Неокантианскую традицию дискурсного конструирования новой философии и методологии истории вслед за Лаппо-Данилевским в России развивали В.М. Хвостов (1868–1920) и Д.М. Петрушевский (1863–1942).

Основной труд Вениамина Михайловича Хвостова по методологии истории – «Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории. Курс лекций» – выдержал четыре издания (1910, 1914, 1919 и 2006). Он состоит из трех отделов. В первом отделе «Место истории в системе научного знания» определялся предмет исторического исследования,

выяснялось соотношение истории с другими дисциплинами, определялось ее место в классификации наук, раскрывались задачи исторического познания, а также рассматривались вопросы соотношения мышления и опыта, опыта внутреннего и внешнего субъекта и объекта, имманентной и трансцендентальной реальности. Именно в этом отделе получил свое развитие кантовский философский дискурс. В нем же содержится обзор методологии истории Риккерта, а также основных этапов эволюции мировой исторической науки.

Во втором отделе «Основные принципы исторической науки» Хвостов стремится соединить неокантианскую модель методологии истории с социологической теорией и с социальной психологией, в частности, апеллирует к методу факторного анализа, к учению о психологии масс. Автор подробно рассматривает следующие факторы исторического процесса: человеческий фактор, фактор подражания, факторы внешней природы, факторы устойчивости и изменчивости, фактор эмиграции. В фокусе внимания исследователя – проблемы исторической психологии. Автор обращается к анализу таких понятий как «дух эпохи», «социальная психика», «творческий синтез». Хвостов подчеркивает: «Каждому, кто работает в области истории, никогда не следует забывать, что мы имеем здесь дело не с физической или механической, но с психической причинностью,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

основным законом которой является известный нам закон творческого синтеза» [17, с. 337]. Согласно автору, закон творческого синтеза в применении к общественно-психической жизни порождает явление, которое называется творчеством культурных ценностей. Культурная часть человечества испытывает постоянный интерес ко всякому шагу, произведенному людьми в направлении культурного творчества. Этим объясняется интерес данной части общества к истории в целом. «История, – отмечает Хвостов, – есть наука о тех шагах, которое совершало культурное человечество на своем пути к созданию всякого рода культурных ценностей, логических, этических и эстетических» [17, с. 86].

В третьем разделе «Пределы исторического познания и метод истории» подвергаются критике онтологические теории исторического прогресса, а также отмечается методологическая противоречивость концепции прогресса И. Канта, в которой отсутствует согласование между внутренними (нравственными) и внешними (правовыми) факторами поступательного развития истории: «...С одной стороны, Кант, как моралист, являясь сторонником свободы воли и видя назначение человека в безусловном исполнении нравственного закона, полагает весь смысл человеческого существования в отдельной личности; с другой стороны, по теории Канта, как философа истории, человечество в своем развитии постоянно прогрессирует,

и конечная цель исторического прогресса состоит во введении правового порядка, свободы личности и международного мира. Такого прогресса требует чистый разум и наличность его доказывается такими историческими фактами, как идеи Французской революции ... Эти две теории не вполне согласованы между собой, так как недостаточно выяснена Кантом связь между чисто моральным самоусовершенствованием на почве свободы умопостижимой воли и бессмертия души и развитием человечества в сторону установления правового порядка, обеспечивающего только внешнюю легальность поведения членов общества» [17, с. 341].

В ходе собственных размышлений об историческом прогрессе Хвостов приходит к следующему выводу: «По моему мнению, понятие «прогресса» не может быть считаемо строго научным. Это вытекает из самого определения этого понятия: прогресс есть развитие, направленное к цели, которой мы придает положительную ценность» [17, с. 343–344]. А поскольку строго научным путем нельзя установить масштаба ценностей, к которым стремятся люди, то нельзя и доказать наличность прогресса или регресса. В этой связи лучше не прибегать к понятию прогресса вообще [17, с. 345].

В заключительной главе раздела «Исторический метод» автор раскрывает важную роль этологии как науки о характере для профессиональной подготовке

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

современного историка, указывает на необходимость использования в исторических исследованиях целого ряда вспомогательных дисциплин.

На близких к Хвостову методологических позициях стоял и другой известный отечественный теоретик истории – Дмитрий Моисеевич Петрушевский. Первоначально разделяя идеи неокантианства, Петрушевский затем перешел на позиции синтеза обобщающего и индивидуализирующего методов исторической эпистемологии. Этот синтез он обосновывал единством логического стиля, присутствующего всем наукам. В своей работе «К вопросу о логическом стиле исторической науки» Петрушевский утверждал, что «историческая наука ничем не отличается по своему логическому существу, по своему логическому стилю от всякой другой науки; она является и наукой об индивидуальном, и наукой об общем, и не может не быть наукой об общем, даже если бы и стремилась ограничить свою сферу исключительно индивидуальным» [12, с. 15].

Петрушевский считал, что логический стиль исторического исследования формируется как путем применения социологических понятий, так и обращением к конкретно-индивидуальным особенностям своего предмета. Исторический интерес сочетается, таким образом, с социологическим. «И историк хозяйства, и историк социальных отношений, и историк политического развития изучают материал или с индивиду-

ализирующей, или с генерализирующей точки зрения, имея в виду или выяснить ту или иную индивидуальную хозяйственную, социальную, политическую и т.п. историческую комбинацию, или же построить общие социологические, по существу, систематические категории, которые бы дали им возможность разрешать и свои индивидуализирующие проблемы в области истории хозяйства, социального строя или политического развития» [12, с. 20].

В качестве центральной проблемы исторической эпистемологии для Петрушевского выступала проблема соотношения исторического познания и современности. Говоря о процессе складывания исторического знания, он отмечал, что именно современность формирует в мышлении историка определенные «предвзятые» представления, с позиций которых он осознает события прошлого.

Неокантианская версия философии и методологии истории после долгого перерыва, связанного с определенными идеологическими установками советской гуманитарной науки, вновь оказалась востребованной российским научным сообществом в конце 1990-х годов – начале XXI вв. Важной вехой в привлечении внимания исследователей к творчеству российских неокантианцев стала научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского, проведенная в Санкт-Петербурге в 2003 г. [8]. Большая роль в теоретической

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

реконструкции русской неокантианской философии и методологии истории принадлежит целому ряду отечественных исследователей, среди которых, прежде всего, следует назвать Н.М. Дорошенко [4; 5], А.В. Малинова [9], С.Н. Погодина [10], О.В. Сеницына [15]. В работах современных авторов утвержда-

ется важная мысль о том, что одной из бесспорных заслуг русских неокантианцев при разработке философско-методологических проблем истории является признание возможности соединения номотетических и идиографических методов в исследовательской практике.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н.Давыдова; Предисл. П.П.Гайдено. – М.: Прогресс, 1990.
2. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики //Культурология 20 век. Антология. – М., 1995.
3. Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи. – СПб., издание Д.Е. Жуковского, 1904. – 374 с.
4. Дорошенко Н.М. Методология истории: теоретические и философские основания. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2007. – 375 с.
5. Дорошенко Н.М. А.С. Лаппо-Данилевский — основоположник российской методологии истории // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск. I. /Отв. ред. А.В.Малинов. – СПб.: Издательство «Северная Звезда», 2003. – С. 217–225.
6. Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск. I. /Отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Издательство «Северная Звезда», 2003. – 415 с.
7. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть 1. Теория исторического знания: Пособие к лекциям, читан. студентам С.-Петербургского университета в 1909/10 уч. году. – СПб., 1910. – 278 с.
8. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 2. – СПб, 1913. – 796 с.
9. Малинов А.В. Очерки по философии истории в России в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Интерсоцис, 2013. – 494 с.
10. Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. Изд-во: Искусство. – СПб., 2001. – 288 с.
11. Неусыхин А.И. Эмпирическая социология Макса Вебера и логика исторической науки. – В кн.: Вебер М. Избранное. – М., 1994.
12. Петрушевский Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки. Изд-во «Петроград». – Пг., 1915. – 25 с.
13. Риккерт Г. Философия жизни /Генрих Риккерт // Риккерт Г. Философия жизни. – Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. – 460 с.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

14. Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2000. – 354 с.

15. Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX–начале XX вв. – Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. ист. н.: специальность: 07.00.09. Казанский гос. ун-т, Казань, 2000. – 40 с.

16. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. – М., 1994.

17. Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. Курс лекций. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 392 с.

References

1. Veber M. Izbrannye proizvedenija [The elected products]. Per. s nem. Sost., obshh. Red. i poslesl. Ju.N.Davydova; Predisl. P.P. Gajdenko. M., Progress, 1990.

2. Veber M. «Obektivnost'» poznaniya v oblasti social'nyh nauk i social'noj politiki ["Objectivity" of knowledge in the field of social sciences and a social policy] Kul'turologija 20 vek. Antologija. M., 1995.

3. Vindel'band V. Preljudii: Filosofskie stat'i i rechi [Preludes, philosophical articles and speeches]. SPb., izdanie D.E. Zhukovskogo, 1904. 374 p.

4. Doroshenko N.M. Metodologija istorii: teoreticheskie i filosofskie osnovanija [Methodology of a history: the theoretical and philosophical bases]. SPb., Izd-vo Politehn. Un-ta, 2007, 375 p.

5. Doroshenko N.M. A.S. Lappo-Danilevskij – osnovopolozhnik rossijskoj metodologii istorii [A.S. Lappo-Danilevsky – the founder of the Russian methodology of a history] Istoricheskaja nauka i metodologija istorii v Rossii XX veka: K 140-letiju so dnja rozhdenija akademika A.S. Lappo-Danilevskogo. Sankt-Peterburgskie chtenija po teorii, metodologii i filosofii istorii. Vypusk. I. Otv. red. A.V.Malinov. SPb., Izdatel'stvo «Severnaja Zvezda», 2003, p. 217–225.

6. Istoricheskaja nauka i metodologija istorii v Rossii XX veka [Historical science and methodology of a history in Russia XX centuries] K 140-letiju so dnja rozhdenija akademika A.S. Lappo-Danilevskogo. Sankt-Peterburgskie chtenija po teorii, metodologii i filosofii istorii. Vypusk. I. Otv. red. A.V. Malinov. SPb., Izdatel'stvo «Severnaja Zvezda», 2003, 415 p.

7. Lappo-Danilevskij A.S. Metodologija istorii [Methodology of a history]. Chast' 1. Teorija istoricheskogo znaniya: Posobie k lekcijam, chitan. studentam S.-Peterburgskogo universiteta v 1909/10 uch. godu. SPb., 1910, 278 p.

8. Lappo-Danilevskij A.S. Metodologija istorii [Methodology of a history]. Vyp. 2. SPb, 1913, 796 p.

9. Malinov A.V. Oчерки по философии истории в России в 2 т. [Sketches on philosophy of a history in Russia] Vol. 1. SPb., Intersocis, 2013, 494 p.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

10. Malinov A.V., Pogodin S.N. Aleksandr Lappo-Danilevskij: istorik i filosof [Alexander Lappo-Danilevsky, the historian and the philosopher]. Izd-vo, Iskusstvo. SPB., 2001, 288 p.

11. Neusyhin A.I. Jempiricheskaja sociologija Maksa Vebera i logika istoricheskoj nauki [Empirical sociology Maks Veber and logic of a historical science]. V kn. Veber M. Izbrannoe, M., 1994.

12. Petrushevskij D.M. K voprosu o logicheskom stile istoricheskoj nauki [To a question on logic style of a historical science]. Izd-vo «Petrograd». – Pg., 1915, 25 p.

13. Rikkert G. Filosofija zhizni [Philosophy of life], Kiev: Nika-Centr, Vist-S, 1998, 460 p.

14. Rusakova O.F. Filosofija i metodologija istorii v XX veke, shkoly, problemy, idei [Philosophy and methodology of a history in XX century schools, problems, ideas], Ekaterinburg, Izd-vo UrO RAN, 2000, 354 p.

15. Sinicyn O.V. Neokantianskaja metodologija istorii i razvitie istoricheskoj mysli v Rossii v konce XIX–nachale XX vv [Neokants methodology of a history and development of historical idea in Russia in the end XIX–beginning XX vv.]. Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d. ist. n.: special'nost': 07.00.09. Kazanskij gos. un-t, Kazan', 2000, 40 p.

16. Trjol'ch Je. Istorizm i ego problemy. Logicheskaja problema filosofii istorii [Historicism and his problems. A logic problem of historical philosophy], M., 1994.

17. Hvostov V.M. Teorija istoricheskogo processa: Oчерki po filosofii i metodologii istorii. Kurs lekcij [The theory of historical process. Sketches on philosophy and methodology of a history. A rate of lectures], Izd. 4-e, stereotipnoe, M., KomKniga, 2006, 392 p.